

СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ,

ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА

Неустановленный автор

Слово о полку

Игореве (3 варианта)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176007

Слово о полку Игореве, Игорь сына Святослава, внука Ольгова:

Аннотация

Слово о полку Игореве считают первой русской воинской повестью. В «Слове...» изображается поход князей Игоря Святославича Новгород-Северского и Всеволода Святославича, из рода Ольговичей, против половцев, состоявшийся в 1185 г. В предыдущем, победоносном походе против половцев, предпринятом Святославом Всеволодовичем и целым рядом русских князей зимой 1184 г., Игорь не смог принять участие из-за погодных условий. Итак, поход Игоря в 1185 г. – своего рода реванш.

История похода Игоря Святославича описана в древнейшей поэме «Слово о полку Игореве» – выдающемся памятнике древнерусской литературы, произведении, проникнутом самой сильной и нежной любовью к Родине. Осуждение княжеских усобиц – основная идея поэмы. Тема личной судьбы Игоря вводится в канву поэмы плачем о нем его жены Ярославны. Ее плач по мужу, плач русской женщины, скорбящей не только по

своему супругу, но и по всем его воинам, по всей земле Русской «от несогласий бедствующей»

«Слово о полку Игореве» – первый древнерусский памятник, обративший на себя внимание русских писателей. В. А. Жуковский выполнил первый русский литературный перевод «Слова...».

Содержание

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА	5
СВЯТОСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА	
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В. А. Жуковский

Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославля, внука Ольгова

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Древнерусский текст

Древнерусский оригинал «Слова» (по изданию 1800 г.) воспроизводится в исправленном виде; все необходимые поправки внесены в текст. Орфография максимально приближена к современной.

Не лепо ли ны бѣшет, братіе, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святославлича! Начати же ся той песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню! Боян бо вещій, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мысию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшетъ бо речъ первых времен усобице, – тогда пуцашетъ 10 соколовъ на стадо

лебедей; который дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожьскими, красному Романови Святославличю. Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пушаше, но своя вещиа персты на живая струны воскладале; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимирера до ныняшнего Игоря, иже истягну умъ крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Рускую.

О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сиа полкы ущекотал, скача, славлю, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы! Пети было песнь Игореву, того внуку: «Не буря соколы занесе чрез поля широкая, галици стады бежать к Дону великому». Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржутъ за Сулою, звенить слава в Кыеве. Трубы трубятъ в Новеграде, стоять стязи в Путивле».

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй-тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорю! Оба есве Святославличя. Седлай, брате, свои борзый комони, а

мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни – сведоми кмети: под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конець копия въскормлени; пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють, акы серыи волци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзые комони, да позрим синего Дону!» Спала князю умь похоть, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго. «Хощу бо, – рече, – копие приломити конець поля половецкаго с вами, русици! Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Тогда вступи Игорь князь в злат стремянь и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свист зверин вста; збися Див, кличет верху древа – велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмотораканьский болван! А половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому; крычат телеги полунощы, рци лебеди распужени.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птицъ по

дубию; волци грозу въерожат по яругам; орли клетком на кости звери зовут; лисици брешут на черленые щиты. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Долго ночь меркнет. Заря свет запала, мгла поля покрывала; щекот славий успе, говор галичь убудиси. Русичи великая поля черлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы.

С зарания в пяток потопташа поганые полки половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом – и всякимн узорочьи половецкыми. Черлен стяг, бела хирюговь, черлена чолка, сребрено стружие – храброму Святославличю!

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчине! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают; черныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца, а в них трепещуть синии молнии. Быти грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великаго! Ту ся копием приламат, ту

ся саблям потручяти о шеломы половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полки Игоревы. Земля тутнет, реки мутно текуть; порося поля прикрывают; стязи глаголют – половцы идутъ от Дона и от моря; и от всех стран Рускыя полки оступиша. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии русици преградиша черлеными щиты.

Яр туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломам посвечивая, тамо лежат поганыя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя от тебе, яр туре Всеволоде! Кая рана дорога, братие, забыв чти, и живота, и града Чернигова, отня злата стола и своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая!

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были полци Олговы, Ольга Святославличя. Той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше; ступает в злат стремянь в граде Тьмуторокане, – той же звон слыша давный великий Ярославль сын Всеволод, а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на ковыле зелену паполому постла за обиду Олго-

ву, — храбра и млада князя. С тоя же Каялы Святополкъ полелея отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святей Софии к Киеву. Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, в княжих крамолах вещи человекомъ скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь гозоряхуть, хотять полетети на уедие. То было в ты рати и в ты полкы, а сицеи рати не слышано.

С зарания до вечера, с вечера до света летят стрелы каленныя, гримлют сабли о шеломы, трещат копиа харалужныя в поле незнаеме, среди земли Половецкыи. Черна земля под копыты костьми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звонить далече рано пред зорями? Игорь полкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пир докопчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година вьстала, уже пустыни

силу прикрыла. Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону: плещучи, упуди жирня времена. Усобица князем на поганяя погыбе, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании с всех стран приходяду с победами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птиць бя, к морю! А Игорева храбраго полку не кресити! За ним кликну карна, и жля поскочи по Руской земли, смагу мычючи в пламяне розе. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А въстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле от двора.

Тии бо два храбрая Святославлича, Игорь и Всеволод, уже лжу убудиста, которую то бяше успил отец их Святославъ грозный великий Киевский грозою: бяшетъ притрепетал своими сильными полкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта холми и яругы; взмути реки

и озеры; иссуши потоки и болота; а поганого Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких, яко вихр, выторже, — и падесея Кобяк в граде Киеве, в гриднице Свято-славли. Ту немци и венедици, ту греци и морава поют славу Святославлю, кають князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы, реки половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь выседе из седла злата, а в седло кощиево. Уныша об градом забрали, а веселие пониче.

А Святославь мутен сон виде в Киеве на горах. «Си ночь, с вечера, одевахуть мя — рече — черною паполомою на кровати тисове; черпахуть ми синее вино, с трудомь смешено; сыпахуть ми тощими тулы поганых толковин великий женчюг на лоно и неговахуть мя. Уже доски без кнеса в моем тереме златоверсем; всю ночь с вечера босуви врани възграяху у Плеснеска на болони, беша дебрь Кисаню и не сошлю к синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга унь полонила: се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крыльца припешали поганых саблями, а самаю опуташа в путины железны. Темно бобе в 3 день: два солнца померкоста, оба багряная столпа погасоста и с ними молодая месяца, Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста и в море погрузиста, и великое буйство подаста хинови. На реце на Каяле

тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо. Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вержеся Дивь на землю. Се бо готския красныя девы воспеша на брезе синему морю, звоня руским златом; поют время Бусово, лелеют месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святослав изрони злато слово, с слезами смешено, и рече: "О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати: но не честно одолесте, не честно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине!

А уже не вижду власти сильного и богатого и многовая брата моего Ярослава с черниговскими былями, с могуты, и с татраны, и с шельбиры, и с топчаки, и с ревугы, и с ольберы: тии бо бес щитовь с засапожники кликом полкы побеждают, звонячи в прадедную славу.

Но рекосте: «Мужаимеся сами, предную славу сами похитим, а заднюю си сами поделим!» А чи диво ся, братие, стару помолодити! Коли сокол в мытех бывает, – высоко птиц възбывает, не даст гнезда своего в обиду. Но се зло: княже ми непособие – наниче ся години обратиша. Се у Рим кричат под саблями половецкими, а Володимир – под ранами. Туга

и тоска сыну Глебову!

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети изда-
леча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеш Волгу веслы
раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была
бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо можеш посуху
живыми шерешеры стреляти — удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли вои злаченными ше-
ломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыка-
ют, акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме!
Вступита, господина, в злат стремя за обиду сего времени,
за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем
златокованнем столе, подпер горы угорскыи своими желез-
ными полки, заступив королеви путь, затворив Дунаю воро-
та, меча бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы
твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата, стреляеши с
отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине,
Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игорев-
ы, буюго Святославлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носит ваш
ум на дело. Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол,
на ветрех ширяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у

ваю железный папорзи под шеломы латинскими: теми тресну земля, и многи страны – Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци – сулицы своя повергоша а главы своя подклониша под тьи мечи харалужныи. Но уже, княже, Игорю утрпе солнцю свет, а древо не бологом листвие срони – по Роси и по Сули гради поделиша. А Игорева храброго полку не кресити. Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на победу. Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань.

Ингварь и Всеволод и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци! Не победными жребии собе власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

Уже бо Сула не течет сребренными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганных. Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под черлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскими мечи, и схоти ю на кровать и рек: «Дружину твою, княже, птицъ крилы приоде, а звери кровь полизаша». Не бысть ту брата Брючяслава, ни другаго – Всеволода. Един же изрони жемчюжну душу из храбра тела чрес злато ожерелие. Унылы голоси, пониचे веселие, трубы трубят городеньскийи.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени — уже бо выскочисте из дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводить поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо беше насилие от земли Половецкыи".

На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий о девицю себе любу. Той клюками подпрься, оконися и скочи к граду Киеву, и дотчеша стружием злата стола Киевскаго. Скочи от них лютым зверем в полночи из Белаграда, обесися сине мыгле; утръ же вознзи стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с. Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни — посеяни костьми русских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Києва дорискаше до кур Тмутороканя, великому Хорсови волком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Киеве звон слыша. Аще и вещь душа в дерзе теле, но часто беды страдаше. Тому вещей Боян и первое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда божиа не минути».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.